

Музыка как религия

08.10.2014

Его график расписан по минутам. Сегодня Москва, завтра Лондон, послезавтра – Нью-Йорк.

И везде его встречают овации и трепетное внимание публики.

Однако за всей этой успешностью скрыто немало труда, переживаний и настоящего мужского характера. Всемирно известный баритон Дмитрий Хворостовский не раз демонстрировал свою принципиальную позицию и в отношении своей родины. О цели и цене его миссии – в интервью Дмитрия Хворостовского.

Время дилетантов

– **Дмитрий, давайте начнём с события, ради которого вы прилетели в Россию.**

– На этот раз – благотворительный концерт, в котором я принимал участие. Дирижировать доверено маэстро Константину Орбеляну. В концерте также приняли участие хор и оркестр «Новой оперы», оркестр Центральной музыкальной школы при Московской консерватории им. П. И. Чайковского, юные солисты Творческой школы «Мастер-класс» и победители ежегодного фестиваля воспитанников детских домов России. Вырученные денежные средства от концерта будут направлены на поддержку детей-сирот, многодетных семей, детей с тяжёлыми заболеваниями.

– **Кроме благотворительных концертов вы себя в социальном плане ещё как-то проявляете?**

– Всю свою жизнь я занимаюсь тем, что пропагандирую наше отечественное искусство.

– При этом живёте в Лондоне. А патриотом какой страны вы себя считаете?

– Давайте начнём с того, что я русский. И никогда об этом не забывал. Во-вторых, всегда служу тому, чтобы у мировой общественности был интерес к русской культуре. Благодаря моим коллегам, таким как я, миллионы людей обратили свои взоры к нашей стране. Мы сделали гораздо больше, чем многие политики. Вот в этом как раз и заключается моя миссия.

– Чувствуете ли вы ответственность?

– Конечно. И особенно в такие моменты, как сейчас. Атмосфера нагнетается, мир катится к чему-то совершенно безумному.

– Пока вы развиваете и «подсаживаете» на русскую культуру мировую общественность, в России культурное наследие разворовывается. Очень много странных покупок совершается музеями и другими культурными центрами. Профессионалов выкидывают за борт, а галереи заполняют дешёвками, с которых можно получить откат.

– Есть такое ощущение, что сейчас время дилетантов. Людей, которые ничего в своей профессии не понимают. Культурная среда не исключение. В ней слишком много посторонних людей, которые больше напоминают торговцев с рынка, которые не знают истинной ценности того, с чем сталкиваются. Ещё одна серьёзная проблема – потеря традиций поколением. В советское время система воспитания – спортивного, образовательного, музыкального – была чётко отстроена. Сейчас здесь хаос..

Оперный формат

– Вы не замечали, что сегодня в оперу многие ходят не потому, что являются её ценителями, а ради пафоса?

– Соглашусь с вами. Ценителей оперы во всём мире – единицы. Знатоков, которые могут отличить исполнение одного певца от другого, услышать нюансы, штрихи, особенности певческой техники каждого исполнителя, очень мало. В основном на спектакли ходят люди определённого уклада, которые скорее должны посещать оперу, так как к этому подталкивают понятия их круга, а не потому, что они её любят

. Зачастую они не всегда стремятся разобраться, хорошая постановка или плохая, и понять, в чём уникальность именно оперного исполнения. Многим из этой публики нравятся эпатажные постановки с вызывающими внешними эффектами.

К сожалению, такова тенденция развития европейской оперы и вообще театрального искусства, главная цель которого – шокировать, заинтересовывать именно вот такую публику, ожидающую от постановки прежде всего какого-нибудь скандала. Но, несмотря на это, опера в классической своей форме пользуется большой популярностью.

– У эстрадных певцов есть такое понятие – «формат». Есть ли оно у оперных певцов?

– У нас всё перемешано. Я выступаю по стране и общаюсь с теми людьми, которые делали гастролы Deer Purple, Джо Кокера. У этих певцов свой формат, у меня – свой. Это – классика.

– У многих в России есть убеждение, что на Западе всё самое лучшее. Вы побывали во многих странах, можете сравнивать. Западные вокалисты или музыканты действительно в профессиональном плане сильнее наших?

– Первые скрипки во многих оркестрах, даже в таком как Лондонский филармонический, – русские музыканты. Костяк труппы цирка Дю Солей тоже русские.

– А если говорить о музыкальных школах?

– Трудно судить об этом: где-то лучше, где-то – нет. Я слышал, как играют западные оркестры, – прекрасный качественный звук. Но нет конфликта, страданий, глубины. Не от того, что их не чувствует дирижёр или музыканты. Мне кажется, у них нет этого в генах. Они не знали, что такое война, разруха и что такое любить человека.

Настоящее искусство – это такое, которое было в блокадном Ленинграде, где люди ходили на филармонические концерты через боль, голод, потери близких. Они видели в музыке избавление от страданий, как в религии. В девяностые годы, когда была разруха, люди тоже приходили на концерты классической музыки как на религиозное действо.

В постоянной боевой готовности

– Вы – мегазвезда оперной сцены. Имеете ли вы возможность вмешиваться в процесс режиссуры и менять постановку?

– Это происходит регулярно. Каждый режиссёр приходит уже с заранее подготовленной и решённой концепцией. Невзирая на то, с кем он будет работать, как это отзовется в душе артиста. Поэтому нужно отстаивать свои концептуальные взгляды. Ведь истина рождается именно на этом стыке спора.

– Вы жёсткий человек?

– Если необходимо, могу жёстко отстаивать свои права. Но я готов меняться. Жизнь меня научила все проблемы решать шутя. Юмор и ирония помогают.

– Но тем не менее у вас была достаточно скандальная история, когда вы порвали контракт о своём участии в «Онегине» в постановке Кшиштофа Варликовского. (Речь идёт о постановке оперы «Евгений Онегин», в которой Онегин и Ленский были представлены людьми с нетрадиционной ориентацией, что вызвало негодование не только Дмитрия Хворостовского, но и многих других поклонников шедевра Чайковского. – Прим. «АН».)

– Этот спектакль был уже сделан, и меня пригласили на его возобновление в Мюнхене. Прислали видео. И я решил посмотреть его со своим папой. Мой папа... есть такое русское слово (смеётся). В общем, очень удивился. А вместе с ним и я. Он даже не мог себе представить, что можно так трактовать содержание оперы, что можно позволить

себе так относиться к нашему наследию, святому для нас. И я, конечно, отверг это предложение.

– Штрафные санкции были?

– Нет.

– За границей против русских культурных деятелей сейчас проходят пикеты, призывающие бойкотировать их выступления.

– На концерте у Спивакова в Бостоне на сцену даже прорвался не очень адекватный человек и мямлил какие-то призывы. Конечно, это неприятности местечкового характера, но всё же неприятно. Во время обострения этих историй у меня как раз был тур в США и Канаде. Помню, вышел на сцену, ожидая получить неприятности. Но к своему удивлению обнаружил, что публика встала и ещё до того, как я открыл рот, стала аплодировать. Было приятно. Но всё равно до сих пор нахожусь в состоянии «боевой готовности» (улыбается).

– Часто приходится через себя переступить?

– Если вы о предательстве, подлости, то считаю, что я достаточно чист. Были в жизни неприятные моменты, ставились точки на *i*, определялось, кто друг, кто враг. И если я в ком-то разочаровывался, то никого не винил. Старался учитывать свои ошибки.

– В вашей профессиональной нише существует достаточно жёсткая конкуренция. Как считаете, кто из подрастающего поколения уже может с вами конкурировать?

– Конкуренция существует, но у нас для всех есть место. Я с большим удовольствием им помогаю, и есть те, кого люблю брать с собой на сцену. Хочу отметить Анну Аглатову. Мне очень нравится Ильдар Абдразаков. Считаю, что это звезда мировой величины на оперной арене. И мне приятно, что мы с ним друзья. Я помню его 20-летним мальчиком, и на моих глазах он превратился в многогранного артиста. С большим любопытством и особым пиететом я также всегда относился к Анне Нетребко. Так что, как видите (смеётся), жаба меня не душит!

Алексия Мелевская